

Юбилей Академии наук СССР — это в то же время и важная юбилейная дата для этнографической науки. Уже первые шаги в деятельности этого важнейшего центра отечественной науки были направлены к познанию Родины, ее естественных богатств и населяющих ее народов. И одной из задач, которые Академия вполне продуманно ставила перед своими сочленами, было изучение именно народов России, их быта, их языков, их образа жизни и обычаев. Эти задачи не утратили своего значения и сейчас. Напротив, этнографические исследования в наши дни приобрели в Академии наук СССР невиданные прежде масштабы. Об отдельных этапах развития этих исследований в академических учреждениях рассказывается в публикуемых ниже статьях.

Т. В. Станюкович

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В СИСТЕМЕ АКАДЕМИИ НАУК *

В первые десятилетия после основания Петербургской академии наук этнография еще не сформировалась как самостоятельная отрасль знаний, она не имела еще своего современного названия и была лишь одним из аспектов географии (по классификации В. Н. Татищева — «политической географии»), и тем не менее активный сбор и накопление этнографических материалов и коллекций начинается именно в первой половине XVIII в. Надо сказать, что коллекционирование вещественных памятников, характеризующих отдельные стороны культуры и быта различных народов, возникло в России еще задолго до этого. Уже в XVII в. имелось значительное число коллекций, включающих в себя этнографические предметы, однако эти собрания носили сугубо частный характер.

Петр I не только сам увлекался коллекционированием и был обладателем редкостей, в том числе и этнографических, но и санкционировал в 1714 г. создание первого государственного общедоступного Музея — Петербургской кунсткамеры, сыгравшей значительную роль в отечественном просвещении и науке, в том числе и в истории Академии наук. Кунсткамеру недаром называли «колыбелью отечественной науки» — она была одним из учреждений, на базе которых была основана Академия наук. В дальнейшем деятельность Академии наук была всегда тесно связана с Кунсткамерой.

Размах, свойственный Петру I во всех его начинаниях, сказался и на комплектовании фондов Кунсткамеры, которому был придан поистине

* Музей антропологии и этнографии, созданный на базе Петербургской Кунсткамеры, — крупнейший научный центр. Научно-исследовательская работа нескольких поколений сотрудников Музея отражена в статье С. А. Токарева, публикуемой в этом номере журнала.

государственный характер. Пополнению их способствовали специальные правительственные Указы 1703—1724 гг., предписывающие собирать все, «что зело старо и необыкновенно». Ту же роль играли инструкции и рекомендательные списки, вручаемые различным экспедициям, специальные поездки ученых, а также приобретение за рубежом лучших собраний того времени.

Из этих источников, в первое же десятилетие своего существования, Кунсткамера получила значительное число этнографических коллекций. Так, например, военно-этнографическая экспедиция А. Бековича-Черкасского в Прикаспийские степи (1716—1717 гг.) не только собрала ценнейшие сведения по географии, но и доставила в Музей коллекции, включавшие золотые и серебряные украшения и сосуды из окрестностей Астрахани. Богатая коллекция одежды народов Сибири была собрана Д. Г. Мессершмидтом, обследовавшим в 1719—1724 гг. некоторые районы Сибири и Монголии. В эти же годы в Голландии покупаются для Музея первые предметы (главным образом по народному искусству) из «Западной и Восточной Индии и других далеких стран».

К середине 1720-х годов Петербургская Кунсткамера приобретает широкую известность за рубежом. Иностранцы-путешественники квалифицируют ее собрания как «замечательные»¹ и настолько обильные, «что можно совсем растеряться»². Однако подлинное коллекционирование этнографических материалов началось позднее, и в нем неocenимую роль сыграла основанная в 1724 г. Академия наук.

Создание Академии наук в корне изменило научную жизнь страны. Большая организационная работа, курсы публичных лекций, заседания с широким составом приглашенных, активная издательская деятельность способствовали быстрому росту популярности вновь созданного центра наук, спланивали вокруг него все научные силы России.

Включение в Академию наук отразилось на деятельности Кунсткамеры. Работники Академии использовали ее коллекции для научных исследований; музей же получил больше возможностей для сбора экспонатов и лучшей постановки музейно-собирающей и музейно-экспозиционной работы.

Особенно большую роль в развитии этнографических знаний и обогащении коллекции Кунсткамеры сыграли экспедиции Академии наук XVIII—XIX вв., ставившие своей целью всестороннее изучение природы и населения Отечества.

В 1733 г. началась экспедиция, целью которой было обследование Приуралья и Сибири вплоть до Камчатского полуострова, давшая блестящие результаты. Особенно тщательно была подготовлена работа «сухопутного» отряда, возглавляемого Г. Ф. Миллером: изучались имеющиеся в музее коллекции и составлены рекомендательные списки для приобретения новых; написаны подробнейшие инструкции, в том числе по сбору и ведению документации коллекционных материалов («Об описании древностей») и по фиксации различных сторон истории, культуры и быта сибирских народов («Об описании нравов и обычаев народов»). Достаточно сказать, что последняя из них содержала более 1000 вопросов.

Эта экспедиция передала Кунсткамере коллекции одежды и предметов культа народов Севера и Сибири, которые вызвали живой интерес посетителей и стимулировали пробуждение в более широких кругах общества интереса к этнографии.

¹ «Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого», М., 1875, стр. 153; М. Ш. Фандербек, О состоянии просвещения в России в 1725 г., «Сын отечества», 1842, ч. 1, стр. 22.

² G. F. Neickelius, *Museographia oder Anleitung zum rechten Begriff und nützlicher Anlegung der Museorum oder Raritäten-Kammer*, t. I—III, Leipzig und Breslau, 1727, S. 331.

В 1765 г. Академия наук начинает работу по организации систематического сбора материала, «который мог бы служить впредь к физическому описанию Российской империи». Видное место в этом важнейшем для развития производительных сил страны начинании отводилось Кунсткамере. Она должна была принимать, систематизировать и производить научную обработку поступавших коллекций, которые стекались по правительственному указу из губернских канцелярий и непосредственно от участников академических экспедиций. Эти «Физические экспедиции» (1768—1774 гг.) остались блестящим памятником деятельности Академии. В них участвовало свыше 60 человек; были обследованы громадные пространства от западных границ Российской империи (Белоруссия, Молдавия, Бессарабия) до Байкала и от Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспия; частично были также обследованы Персия, Кавказ и малоизученные степные просторы юга России. «Грандиозный план исследований, широта размаха и удачный подбор руководителей,— писал Л. С. Берг,— до сих пор вызывают у нас изумление»³. Участники экспедиций собрали и зафиксировали в своих трудах множество материалов по этнографии, археологии, зоологии, ботанике и географии, используемых учеными самых разных специальностей вплоть до наших дней.

В 1779 г. директор Кунсткамеры Н. Я. Озерецковский в своей речи, произнесенной на заседании Конференции Академии наук, подчеркнул, что в результате экспедиций расширилось, углубилось изучение ряда областей Сибири; благодаря им «теперь мы знаем, как живет башкирец, остяк, самоед, лопарь. Имеем истинное описание не только внутренних российских промыслов, но еще все внешние торговли, с азиатскими народами производимые»⁴. Особенно активную роль в этих экспедициях играл куратор естественно-исторических коллекций Музея — П. С. Паллас, суммировавший собранные им материалы в сочинениях «Путешествия по разным провинциям Российской империи» и «Собрании исторических сведений о монгольских народностях». Одновременно он приобрел интересное собрание монгольских и калмыцких бурханов и других предметов, характеризующих религиозные культы тибетского и монгольского народов. Не меньшую ценность составляла коллекция одежды и украшений народов Поволжья — марийцев, мордвы, чувашей, башкир.

Академия наук высоко оценила музейно-собрательскую и музейно-экспозиционную работу Палласа и наградила его «за приложенные труды, тщание и искусство» большой золотой медалью.

Другие участники «Физических экспедиций» — В. Ф. Зуев, И. И. Лепехин и И. Г. Георги также немало внимания уделяли этнографии. «Описание живущих в Сибирской губернии, в Березовском уезде иноверческих народов — остяков и самоедов» В. Ф. Зуева представляло, и по сей день представляет большой научный интерес. В этой работе впервые характеризовались культура, быт и социальные отношения ненцев и хантов, причем автор приводил сравнительный материал и многочисленные параллели.

Отряд И. И. Лепехина, в работе которого участвовал и Озерецковский, обследовал народы Поволжья, Центрального и Северного Урала (коми-пермяки, коми-зыряне), а также собрал и опубликовал значительные материалы по культуре и быту различных этнографических групп русского народа (от уральских казаков до поморов).

И. Г. Георги посетил юго-восточную часть Европейской России, Алтай, Байкал и Забайкалье.

Труды С. Г. Гмелина (младшего) — руководителя одной из экспедиций — хотя и в меньшей мере, однако все же содержали ряд сведений по

³ Л. С. Берг, Роль Академии наук в истории географических открытий, «Природа», 1925, № 7—9, стр. 148.

⁴ Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 3, л. 25, об.

культуре и быту народов, населяющих южную Россию, Северный Кавказ, Закавказье и Северную часть Ирана⁵.

В результате этих академических экспедиций коллекции всех отделов Кунсткамеры пополнились настолько существенно, что позволили с полным основанием отметить в путеводителе: «в нашем хранилище находится не только все, что в иностранных кунсткамерах между редчайшими и достопамятнейшими почитается вещами, но и такие вещи, которых нигде не обретается»⁶. Это утверждение было совершенно справедливо. В 1770-е гг. Петербургская Кунсткамера располагала уникальными, систематически собранными коллекциями по естественной истории и этнографии.

Отличительной особенностью коллекций Кунсткамеры в ту эпоху была их прекрасная документация: Академия наук не только должным образом инструктировала отъезжающих в экспедицию о том, что и как собирать, но и обязывала их по возвращении «разобрав как надлежит сделать оным подробную запись и представить оную в комиссию».

Выдающиеся члены Академии наук (М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер, С. П. Крашенинников, И. Вейтбрехт) принимали участие в систематизации коллекций, в составлении каталогов, а также в подготовке экспозиционного плана Музея. Разработанный еще в 1730-е гг. строго научный и апробированный Академией наук план экспозиции был для своего времени новаторским. Даже в естественно-исторических музеях Европы, имевших большие традиции, как отмечал прекрасный знаток их Ж. Даламбер, было «гораздо больше таких, которые отличались лишь богатством собраний, но лишены всякого порядка»⁷. Что касалось этнографических коллекций в европейских музеях, то здесь царил полная неразбериха.

В Петербургской же Кунсткамере этнографические коллекции были выставлены по четкой схеме. Например: «Изделия из фарфора», «Изделия из металла». Богатейшая коллекция одежды экспонировалась по этногеографическому принципу — на манекенах. Использование манекенов позволяло показать зрителю не только все особенности костюма той или иной народности, но и дать известное представление о ее антропологическом типе.

Богатая и занимательная экспозиция Музея привлекала много посетителей, которые, как указывали современники, скапливались в залах буквально толпами. Учитывая ограниченное число общественных культурно-просветительных учреждений в ту эпоху, просветительное значение Кунсткамеры трудно переоценить. Известность Музея росла с каждым десятилетием. В отечественной и зарубежной печати не раз появлялось описание его коллекций и новых поступлений. Интерес к этнографии положил отпечаток на научные работы конца XVIII в. Научно-исследовательские экспедиции Академии наук и систематический сбор вещественных памятников культуры, концентрировавшихся затем в Петербургской Кунсткамере, обогатили русскую этнографическую науку обширным разносторонним материалом по народам России, создали базу для написания первого сводного этнографического труда «Описание всех в Российском государстве обитающих народов»⁸, в котором отразилась степень изученности каждого из упоминаемых народов: одним из них (народам Поволжья, Приуралья) — посвящались значительные статьи, другим — несколько страниц, о третьих — имелись лишь беглые упоминания (коми-

⁵ С. Г. Гмелин, Путешествие по России, СПб., 1771.

⁶ И. Бекмейстер, Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии наук, СПб., 1779.

⁷ J. d'Alambert, Cabinet d'histoire naturelle, «Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné», vol. II, 1751, p. 490.

⁸ И. Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. I—III, СПб., 1776—1777.

пермяки, коми-зыряне), иные (например, карелы), видимо, были почти неизвестны автору⁹. Меньше всего И. Г. Георги пишет о славянских народах, а также о народах Севера и Северо-Запада Европейской части страны, Кавказа и Средней Азии.

Этнографические исследования начала XIX в. принципиально не отличались от исследований XVIII в., но были направлены на другие области и народы. Видное место в них, в связи с присоединением в 1801 г. Грузии к России, занимал Кавказ.

В начале XIX в. обширные исторические и этнографические материалы по всем народам Кавказа (кроме армян) были собраны П. Г. Бутковым¹⁰.

Громадную роль в пополнении фондов музея сыграли русские кругосветные плавания. Фактически они являлись продолжением экспедиций Академии наук по изучению народов мира. Руководители первого из этих плаваний (1803—1806 гг.), И. Ф. Крузенштерн, Н. П. Резанов и Ю. Ф. Лисянский, были проинструктированы устно и письменно академиками. Для облегчения сбора коллекций для Петербургской Кунсткамеры они запаслись специальным обменным фондом — яркими тканями, инструментами, безделушками, на которые и выменяли ряд экспонатов на островах Тихого Океана, Камчатки и Сахалина. Значительную этнографическую коллекцию по культуре и быту коренного населения Гавайских и Маркизских островов, а также Северной Америки передал Кунсткамере Ю. Ф. Лисянский. В дневниках и путевых заметках путешественников было зафиксировано много сведений по этнографии и антропологии ряда народов, многие из которых описывались впервые. Большой интерес, в частности, представляли материалы Крузенштерна по Северной Японии¹¹, дополненные впоследствии В. М. Головинным¹², и материалы Ю. Ф. Лисянского по быту кадьякских эскимосов, кенайцев, а также алеутов острова Уналашка¹³.

В качестве натуралиста в этом путешествии принимал участие неутомимый исследователь Южной Америки — академик Г. И. Лангсдорф. Необходимо отметить его роль в сборе коллекций по этнографии кадьякцев, тлинкитов, айну, калифорнийцев, камчадалов. Впоследствии он совершил большое путешествие во внутренние области Бразилии, где вместе со своими сотрудниками собрал прекрасные коллекции и сделал большое количество записей по различным отраслям знаний. Наибольший интерес среди них представляют полевые дневники, содержащие этнографическую характеристику племен апиака, гуана, мандуруку, а также документальные зарисовки художников Ругендаса, Тонэя, Флоранса, дающие представление об антропологических типах, одежде, украшениях, жилище и многом другом.

Богатые этнографические коллекции привезли из кругосветного плавания Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев (1819—1822 гг.). Эти коллекции были в 1828 г. переданы в Кунсткамеру. Богатое собрание одежды, орудий, утвари и украшений поступило в Кунсткамеру в результате кругосветного плавания 1826—1829 гг. от Ф. П. Литке¹⁴. Эта коллекция

⁹ С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 105—106.

¹⁰ Лишь незначительная часть их была опубликована в капитальном трехтомном труде (П. Г. Бутков, Материалы для ранней истории Кавказа с 1722 по 1803 г., СПб., 1869); основные же этнографические материалы, готовившиеся, видимо, автором для монографии по народам Кавказа, остались в виде рукописей.

¹¹ См. И. Ф. Крузенштерн, Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг., СПб., 1809—1812.

¹² В. М. Головинн, Замечания о Японском государстве и народе, СПб., 1812.

¹³ Ю. Ф. Лисянский, Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах, СПб., 1812.

¹⁴ См. Ф. П. Литке, Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», М., 1848. См. также: Ю. М. Лихтенберг, Этнографическое описание коллекции Ф. П. Литке, Сб. МАЭ, т. XVI, М.-Л., 1955.

и зарисовки, выполненные на месте, достоверно отражали культуру и быт населения Каролинских островов.

Первоначально все поступающие коллекции демонстрировались посетителям, однако к началу XIX в. большая часть отделов Музея настолько разрослась, что дальнейшее развитие его, как единого целого, стало невозможным. Накопленный в его стенах коллекционный материал нуждался в дифференцированной научной обработке, хранении и экспонировании.

По решению Академии наук, принятому в 1831 г., Петербургская Кунсткамера перестает существовать как единое целое: на базе ее коллекций создается семь самостоятельных академических музеев, в том числе и Музей этнографии.

Путь от энциклопедичности к узкой специализации, проделанный этим замечательным музеем, повторял путь науки в целом, знаменуя новый, более высокий этап ее развития. Благодаря тому, что Кунсткамера, будучи неотъемлемой частью ведущего научного учреждения страны — Академии наук, — создавалась крупнейшими учеными того времени, неизбежный процесс специализации созрел в недрах ее ранее, чем в других музеях Западной Европы. Например, в Британском музее в Лондоне, структура которого напомунала структуре Кунсткамеры, естественно-исторические отделы были выделены в особый (Кенсингтонский) музей только в 1881 г., т. е. полувеком позже; в Германии, из Нового музея в Берлине выделился Музей народоведения в 1886 г. и т. д.

Создание Музея этнографии на базе коллекций Кунсткамеры свидетельствовало о том, что этнография постепенно становилась самостоятельной отраслью знаний. Музей возглавляли такие крупнейшие ученые, как академики А. М. Шёгрэн и В. В. Радлов. Оба ученых, сочетавших в своей работе интерес к языкознанию, фольклору и этнографии, еще более укрепили традиционно сложившийся в русской этнографии союз трех наук.

Шёгрэн — специалист «по истории и древностям российским» — посвятил себя изучению этнографии народов, населяющих Север и Северо-Запад Европейской части страны, а также соседствующей с этими областями финской Лапландии, и впоследствии стал основоположником отечественного финно-угроведения. Продолжателем его в данной области был М. А. Кастрен, обследовавший по поручению Академии наук (1845—1848 гг.) северные районы европейской России. Из этнографических коллекций, привезенных этими путешественниками, наибольший интерес для Музея представляли собрания по одежде и оружию восточных самоедов и североенисейских тунгусов. Они собрали и антропологический материал (череп) по тем же народам.

Первая большая академическая экспедиция XIX в. (1853—1864 гг.), ставившая своей целью этнографическое обследование Амурского края, была возглавлена Л. И. Шренком¹⁵.

Музей получил от него богатейшее систематическое собрание по этнографии народностей Амура, а также по культуре и быту различных групп ненцев.

Крупнейшим собранием по этнографии народов Америки Музей также был обязан Академии наук, командировавшей в 1839 г. И. Г. Вознесенского в Америку, специально для пополнения музейных коллекций. По особой программе, составленной акад. Шредером, он в течение десяти лет собирал коллекцию по этнографии племен и народностей Северо-Западной Америки, Калифорнии, Бразилии, Курильских, Алеутских и Гавайских островов, подобной которой нет ни в одном музее мира.

¹⁵ Он составил этнографическую карту и написал обширную монографию: Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского края, СПб., 1883.

Ценность этого собрания увеличивается еще благодаря тому, что одни из перечисленных народов в ходе колонизации были истреблены, а их древняя культура совершенно исчезла; аборигенная же культура других народов (например, кенайцев) настолько резко изменилась, что судить о ней без коллекции Вознесенского было бы невозможно¹⁶.

Ряд редчайших собраний был подарен Музеем путешественниками, например, коллекция В. В. Юнкера, собранная (1875—1878 гг.) в восточной части Центральной Африки — наиболее раннее и систематическое собрание по этнографии данного региона в музеях мира.

Уникальная коллекция Н. Н. Миклухо-Маклая явилась результатом замечательных путешествий на Новую Гвинею, Малайский архипелаг, Маланезию, Микронезию. Она дополнена великолепными зарисовками автора. При сборе ее ученый имел в виду не простое пополнение Музея, а главным образом материал для дальнейших научных исследований в кабинетных условиях. Это касалось как антропологических материалов (коллекции черепов, волос), так и этнографических (серии орудий труда, оружия, одежды, предметов культа, музыкальных инструментов и др.)¹⁷.

Не имея возможности в небольшом обзоре подробно рассказать об организации Академией наук сбора этнографических материалов и коллекций, отметим лишь, что в истории Музея громадную роль сыграли: акад. К. М. Бэр (директор Анатомического музея Академии наук, слившегося в 1879 г. с Музеем этнографии, после чего Музей получил название — Музей по антропологии и этнографии), а также акад. В. В. Радлов, директор Музея с 1894 по 1918 гг.

Первый из них — участник и организатор ряда академических экспедиций (на Новую Землю, на Каспий — Волгу, в Восточную Сибирь — экспедиция А. Ф. Миддендорфа и др.), немало содействовал накоплению материалов по этнической антропологии и развитию этой науки, и собственно этнографии. Так, он был одним из инициаторов создания Русского географического общества (1845 г.) и вначале возглавлял этнографическое отделение этого Общества, много сделавшего для сбора материалов, главным образом по этнографии отечественных народов.

Огромную роль в судьбе музея сыграл создатель русской тюркологической школы В. В. Радлов. Он укрепил связи Музея с Географическим обществом, с Комитетом по изучению Средней и Восточной Азии и другими научными обществами, которые начали активно пополнять фонды Музея, и наладил систематический и планомерный сбор коллекций по этнографии отечественных и зарубежных народов.

Благодаря широким международным связям налаживается обмен коллекциями с крупнейшими этнографическими музеями Европы и Америки: со Смитсоновским институтом в Вашингтоне, Музеем народоведения в Берлине и т. д.

Прекрасные коллекционные фонды, крупные ученые, участвующие в обработке и экспонировании собраний (С. Ф. Ольденбург, возглавлявший Отдел буддизма, А. И. Иванов — Отдел культурных стран Азии, К. З. Яцута — Отдел антропологии, К. К. Гильзен — Отдел Америки, Л. Я. Штернберг — Отдел Сибири), специальный печатный орган, издаваемый с 1900 г. — «Сборники Музея по антропологии и этнографии» —

¹⁶ См. К. К. Гильзен, Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения, Сб. МАЭ, т. III, 1916; Е. Э. Бломквист, Рисунки И. Г. Вознесенского, Сб. МАЭ, т. XIII, 1951; Б. А. Липшиц, Этнографические материалы по северо-западной Америке в архиве Вознесенского, «Известия Всесоюзного Географического общества», 1959, вып. 4.

¹⁷ См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. V., Рисунки и этнографические коллекции, М.—Л., 1954.

все это способствовало тому, что Музей антропологии и этнографии Академии наук в 1900-х гг. становится центром этнографической науки в стране. Характерной особенностью этого учреждения был демократический дух. Сотрудники музея Д. А. Клеменц, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз деятельно популяризировали через музейную экспозицию, в учительской и рабочей аудиториях, заложенные в этнографии идеи равенства и уважения к большим и малым народам, к вкладу каждого из них в сокровищницу мировой культуры.

Недаром первым академическим учреждением, откликнувшимся на призыв В. И. Ленина на III съезде Советов (1918 г.), — принять участие в созидательной работе, содействующей социалистическому строительству, был Музей антропологии и этнографии.

После революции Музей широко открыл свои двери для посетителей и принял активное участие в просветительской и научной деятельности, которая в связи со строительством первого социалистического государства ставила новые, чрезвычайно ответственные задачи.

В 20-е гг. большинство этнографических экспозиций в Музее антропологии и этнографии носило вещеведческий характер, а заключительный раздел был построен по эволюционно-типологическому принципу, что отражало состояние этнографической науки в те годы.

В начале 1930-х гг. советская этнографическая наука вступает в новый период развития. Коренные изменения, происшедшие в социальной структуре советского общества (индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства), приводят к ломке старых и образованию новых форм социалистического быта, что отражается на тематике исследований Музея.

В предвоенные годы Музей антропологии и этнографии АН СССР превращается в крупнейший научный центр, вокруг которого группируются ученые, занимающиеся антропологией, этнографией и древнейшим периодом археологии — палеолитом.

В настоящее время Музей антропологии и этнографии продолжает активно пополняться, главным образом, за счет материалов, собранных различными академическими экспедициями. Фонды его сейчас насчитывают около 150 тыс. единиц хранения этнографических, около 400 тыс. археологических и свыше 133 000 — антропологических экспонатов. Музей уже давно не единственное хранилище этнографических коллекций. Функционирует и богатейшая экспозиция Музея народов СССР (созданная на базе коллекций этнографического отдела Русского музея). В советские годы появилось много краеведческих, а затем и республиканских музеев, уделяющих в своих экспозициях значительное место этнографии. Тем не менее ценность собраний музея, характеризующих культуру и быт народов всех континентов мира, с годами все более увеличивается. В советское время материалы фондов МАЭ стали широко публиковаться. С 1924 по 1973 гг. вышло 26 Сборников Музея антропологии и этнографии (тт. IV—XXIX). Кроме того, фонды Музея используются при подготовке ряда обобщающих трудов (серия «Народы мира. Этнографические очерки», Историко-этнографический атлас «Народы Сибири» и др.); из них же советские ученые черпают материалы для решения таких сложных проблем как дешифровка древней письменности, происхождение и типология искусства, театра и многих других.

Большое место в работе Музея занимает научная популяризация этнографических знаний, последних достижений антропологии и этнографии по таким сложным проблемам, как «Происхождение человека», «Основные этапы развития первобытного общества», «Происхождение религии». Экспозиции знакомят посетителей с культурой и бытом разных народов (Африки, Америки, Австралии, Океании, Индии, Индонезии и ряда других стран Азии). Музей ежегодно посещает более 200 000 чел.

В краткой статье невозможно даже просто перечислить все аспекты

работы старейшего музея, который происходит от Петровской Кунсткамеры, «родившейся» на десять лет раньше Академии наук. В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что само существование этого музея, щедро предоставляющего ученым богатые материалы для исследований, было и остается той опорой, которая немало способствовала и способствует развитию этнографической науки в нашей стране.

С. А. Токарев

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АКАДЕМИИ НАУК

Сведения о народах Русской земли и некоторых зарубежных стран накапливались в России задолго до основания Академии наук: в сущности с самого зарождения русской письменности, они есть в «Начальной летописи» и других памятниках. Но это были либо случайные, либо собиравшиеся с чисто практическими, административно-фискальными целями сведения. Начало собственно научному и систематическому собиранию данных о народах нашей страны было положено в эпоху Петра I; оно приняло вполне ощутимые, конкретные формы с момента основания Академии и в рамках ее деятельности.

У колыбели русской этнографии стоял величайший ученый, академик М. В. Ломоносов. В сферу интересов этого замечательного энциклопедиста входили народный быт, язык и историческое прошлое русского народа и других народов нашей страны. Об этом свидетельствуют сохранившиеся наброски планов исследований, из которых Ломоносов успел выполнить только небольшую часть.

* * *

Сразу же после смерти Петра была проведена целая серия больших солидно организованных научных экспедиций, целью которых было всестороннее изучение восточных областей и окраин Русского государства. Эти экспедиции снаряжались, отправлялись и руководились молодой Академией наук.

Наибольшее значение для развития этнографии получили две огромные, даже и по нынешним масштабам, экспедиции: вторая Камчатская (Великая северная, 1732—1743) и «физические» (1768—1774).

Вторая Камчатская экспедиция, как известно, была необычайно широким научным предприятием, ставившим своей задачей не только изучение морских границ Сибири и связей ее с Америкой, но и всестороннее обследование внутренних областей Сибири, изучение ее природы, быта населения, древностей; экспедиция собрала огромные материалы по истории Сибири и множество сведений о быте народов этой окраины¹.

Очень много дали для нашей науки, в частности, труды академика Г. Ф. Миллера, руководившего «сухопутным» отрядом экспедиции. Он изъездил за 10 лет все пространство Сибири, от низовьев Енисея до Якутии и Забайкалья. Отмечая встреченные на пути памятники древности, тщательно собирая архивные документы (по его указаниям изготовляли их копии), Миллер в то же время уделял внимание и живым народам,

¹ См.: Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, М.—Л., 1949.